

АННА **И** СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

**ПРЕДМЕТ
ВОЖДЕЛЕНИЯ №1**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64 Предмет вожделения №1 : роман /
Анна и Сергей Литвиновы. — Москва :
Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-247006-6

Таня Садовникова о таком даже и не мечтала: сам полковник Ходасевич, ее любимый отчим, обратился к ней за помощью! И ничего, что он попал в беду, она ему обязательно поможет, хотя противник у них, похоже, очень сильный. Несколько дней назад друг и бывший коллега Ходасевича, до сих пор работавший в ФСБ, попросил его просмотреть несколько старых дел об убийствах женщин. Но как только полковник начал нащупывать тоненькие ниточки, соединяющие эти дела, его друга убили, а за самим Ходасевичем началась настоящая охота...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2026

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-247006-6

Глава 1

Шестое июля, воскресенье.

Утро

Если не найдет ее — он погиб.

Только где ее искать — погожим летним утром в многомиллионной Москве?

Часы показывают начало двенадцатого. Солнце шпарит все ярче, асфальт дышит жаром.

На термометре у Центрального телеграфа плюс тридцать. А на небе — ни облачка. И вокруг — ни одного человека в костюме. Все ходят в легких брюках, гавайках, футболках. Молодежь — поголовно облачилась в шорты. Девушки и вовсе разделись: мелькают голые коленки, в обнаженных пупках искрят блестящие камушки. А ему так жарко в плотных брюках и крахмальной рубашке...

Забиться бы — хоть на минуту. Прижаться щекой к запотевшей бутылке с ледяной водой. Или просто — присесть в тенек и отдыхать: долго, беззаботно, лениво.

Но расслабляться нельзя. Никого не волнует, что ты уже немолод, шалит сердце и врач строго сказал: «Нервничать вам запрещают. Категорически». Если сейчас расслабиться — неизбежно проиграешь во времени. Кто знает, какие у НИХ возможности... Сейчас его не ведут, это точно. Он видел, он чувствовал: не ведут. Он от них оторвался.

Но что может случиться через полчаса? Он не знал. В голове до сих пор звучал голос Тамары.

Она кричала: «Они убили его, убили!»

...А в городе — все спокойно, будто и нет совсем рядом горя, предательства, смерти. По тротуарам текут разгоряченные толпы, посетители открытых кафе смакуют ледяное пиво и подтаявшее мороженое. Москвичи и те, кого называют «гостями столицы», стремятся в тень, в прохладу скверов.

Он подавил искушение присесть на скамейку. Одышка? Черт с ней, с одышкой... Нужно срочно звонить. Ей.

Только она сможет помочь ему. Только она.

Поэтому надо найти ее — где бы она ни была.

Он подошел к телефону, с трудом втиснул в кабинку грузное тело. Набрал знакомый номер.

«Привет всем, кто позвонил! Хотите поболтать? К сожалению, меня нет дома...» — сообщил веселым голосом автоответчик.

Он почему-то не сомневался, что в квартире ее не окажется: красивые девушки обычно не сидят дома в прекрасное летнее воскресенье.

Только бы она услышала, как звонит мобильник! А то вечно: врубит в машине музыку на полную громкость и подпевает во все горло. Или забудет счет оплатить, или не поставит телефон на подзарядку...

Да, мобильник ответил так, как он и ожидал, и боялся: «Абонент не отвечает или временно недоступен». Отключила, чтоб не доставали поклонники? Села батарейка? Или забыла аппарат дома, а сама умчалась? Ну не на работу же ей звонить воскресным утром...

Где она может быть? Примеряет очередную обнову в сверкающих витринах магазинов? Завтракает в кондиционированной прохладе ресторана? Сидит в модном кинотеатре?

А может, она на пляже? Или у кого-то из друзей на даче? Или поехала на Пироговку, гонять на водных мотоциклах?

Что толку гадать!

«Возьми трубку, девочка!» — приказал он бездушному телефону и снова набрал ее номер. «Абонент не отвечает...»

«Ведь у меня нет никого, кроме нее! В данных обстоятельствах — никого. При всех моих знакомствах и связях — я не могу сейчас обратиться ни к кому из знакомых. И не могу использовать ни одну связь. А от Юльки, Юлии Николаевны — толку никакого...»

Сердце закололо.

И он вяло, без крупинки надежды, набрал номер рекламного агентства «Пятая власть».

* * *

«На улице, наверно, сейчас хорошо. А если у фонтана сесть, да с ледяной минералкой... О, как меня достала эта работа!»

Уже год, как Татьяна Садовникова стала начальником. Креативным — то бишь, по-русски говоря, творческим директором рекламного агентства «Пятая власть».

Начальником ей быть нравилось. Кто возразит против кожаного кресла, заискивающей секретарши и кругленькой суммы в зарплатной ведомости?

Правда, вкалывать за эти деньги ей приходилось так, что иногда хотелось выкинуть кожаное кресло в окно и запустить в услужливую секретаршу мраморной пепельницей.

«Может, уйти мне с этой должности? — в который уже раз подумала Таня. — Сил ведь нет никаких... И времени ни на что не хватает. Зарплата неплохая — а по магазинам пройтись некогда. И в отпуск — тоже не съездишь. Шеф однажды сказал: «Ты, Садовникова, конечно, можешь ехать куда хочешь. Но без тебя агентство придется закрывать».

Приятно, конечно, что ты такая незаменимая, но ведь вчера весь день, всю субботу, на работе просидели. До позднего вечера! Нынче воскресенье. Конец выходным. И опять неизвестно, во сколько уйдем...»

Но она, конечно, лукавила перед собой. Ей нравилось жить в темпе. Находиться под постоянным давлением. Ей нравилось много и хорошо работать. И получать за свой труд изрядные деньги.

Прошло три года, как Татьяна Садовникова снова — и, кажется, уже окончательно — осела в Москве. Три года минуло, как закончились ее головокружительные, невероятные, фантастические приключения. Порой — когда она вспоминала о них — ей казалось, что все это происходило не с ней. И конечно, никому о своих похождениях не рассказывала...

Но они, те события, часто являлись ей во снах. И выглядели в них еще более яркими, захватывающими, головокружительными. Такие сны ослепляли и поражали воображение. Так и хотелось с кем-нибудь поделиться своими тайнами. Или хотя бы записать их. Какой бы роман с продолжением получился! Какое кино можно было бы снять!

Но о многих своих приключениях Таня не смела рассказать, потому что была связана словом. О других не могла поведать, потому что обнародовать их — означало бы навредить кому-то из живущих людей... А некоторые истории из ее жизни были настолько невероятны, что, рассказывай, не рассказывай, — все равно не поверят. Заливаешь, скажут, Садовникова. Буйное воображение демонстрируешь¹.

¹ Об этих и других захватывающих приключениях Татьяны Садовниковой можно прочитать в романах Анны и Сергея Литвиновых «Все девушки любят бриллианты», «Отпуск на тот свет», «Проигравший получает все», «Второй раз не воскреснешь», вышедших в издательстве «Эксмо».

Часть ее эскапад описал в газете «Молодежные вести» друг — журналист Димка Полуянов. Димка, которого она не раз спасала и который, в свою очередь, помогал ей... Но оттого, что Полуянов был ограничен объемами газетной полосы, получилось у него все как-то сухо, неярко, поверхностно...

У нее только и остались яркие картинки в памяти. А больше — ничего не было. Даже фотографий. Одни изрядно пожелтевшие вырезки статей. Да воспоминания. Точнее, сны...

Вот уже три года Татьяна Садовникова вела добропорядочную жизнь работающей москвички.

Она не обогатилась за время своих многочисленных приключений. Не нашла тогда и своего принца. Да, она обрела на какой-то период милого, умного и любящего человека — Тома Харвуда. Но так вышло, что навсегда рядом с ним Татьяна не осталась.

Том хотел запереть ее на ранчо в Монтане. Чтобы Таня варила ему русский «боржчъ», штопала носки и слушала по ночам вой шакалов. Эдакая колоритная домохозяйка: красивая, стильная и к тому же русская. А работать в Америке ей, русскоязычному рекламисту, было негде. «Но если хочешь, Таня, ты можешь вступить в наш городской клуб защиты редких животных. Будешь ходить на собрания, собирать подписи в защиту безжалостно истребляемых тигров...» Нет уж, покорно благодарю!.. Она — не Брижит Бардо. Редких тигров, конечно, жаль, но собирать подписи в их защиту?.. И скучно, и главное — тиграм это вряд ли поможет. В общем, Таня уехала от Тома — и из Америки.

А потом — так же, как не получилось с Томом, — не сложилось у нее тихое бургерское счастье с русским банкиром Ваней Коломийцевым. Тем более что Ваня требовал от нее, в сущности, того же, что и Том. Посвятить себя дому и семье. Готовить ему на ужин рыбное

филе. Гладить рубашки. Носить к телевизору чай с лимоном и медом. И, как апофеоз, — нарожать ему кучу ребятишек.

Том собирался заточить ее на ферме в Монтановщине — а Ваня в особняке в Малаховке. Невелика разница!

Нет уж. Татьяна Садовникова — девушка современная, образованная, независимая! Никакого постного счастья в ее жизни не будет! То есть, возможно, будет — но не сейчас, а позже. Несколько позже. Когда она, может, до такого понимания счастья созреет. Поймет, что пришла ее пора. Пора — гладить рубашки и вышивать. И, главное, найдется такой человек, которому ей захочется гладить рубашки и расшивать крестиком носовые платки.

А пока — нет уж, фигушки! Не дождетесь!

Татьяна, конечно же, сохранила добрые отношения и с Ваней, и с Томом — она вообще старалась поддерживать дружеские связи со всеми хорошими людьми, с которыми сталкивала ее судьба.

С Ваней они время от времени встречались, обедали или ужинали вместе. Тот, кстати сказать, за прошедшие три года сделал изрядную карьеру и дорос до председателя правления крупного банка. Ездил на респектабельной «Ауди А8» и небрежно носил костюмы от Бриони.

С Томом Таня переписывалась по электронной почте. Он по-прежнему корпел в своей монтановской глуши — писал очередной роман.

Том даже однажды приезжал к Тане в Москву. С восторгом осматривал церкви и Третьяковку, восхищался русской кухней — все приговаривал: «Это вкусно!» Ужасался дикому дорожному движению, удивлялся, что никто в России не ездит на государственных такси, и дрожал, когда их с Таней везла раздолбанная

«копейка» с лихим джигитом за рулем. Пришел в восторг от нашего цирка и красавиц-балерин. Научился ходить в ночной ларек за пивом.

И каждый вечер нудил: «Танешка, вернись ко мне!»

Но никакого желания возвращаться в монтановскую глушь у Тани не возникало. Как не появлялось больше желания связать свою судьбу с кем бы то ни было еще.

Наверно, не годится она для брака. Или — не родился на свет тот мужчина, с которым она могла бы создать счастливую, равноправную семью. Хотя, должно быть, такой мужчина еще и найдется...

Какие ее годы! Ей всего — двадцать семь! Это в девятнадцатом веке — или на худой конец в двадцатом — девушка в таком возрасте считалась вековухой. Но сейчас-то на дворе — век двадцать первый! Нынче везде и всюду в развитых странах — в Америке, во Франции и даже (наконец-то!) в России — девушки сперва собственную карьеру делают, утверждаются как личности и профессионалы. И тогда замуж выходят, выют гнездышки, киндеров рожают...

Вот так Таня и утверждалась. Делала свою московскую карьеру.

Она ушла из западного сетевого многонационального агентства в нашу российскую фирму, занимающуюся рекламой и пиаром. И дослужилась здесь до второго по важности лица — креативного директора, то есть человека, отвечающего за весь творческий процесс.

А еще как бы между делом (это, впрочем, со стороны казалось, что между делом, а фактически потребовало от Тани напряжения всех сил и воли) Татьяна защитила кандидатскую диссертацию. Получив «корочки», первым делом заказала себе новые визитные карточки — с указанием ученой степени. На презента-

циях-тусовках она раздавала визитки направо и налево и очень веселилась, когда мужики-шовинисты обалдело говорили: «Впервые видим, чтобы кандидатом наук была такая молодая, симпатичная блондинка!»

Теперь ее научная руководительница заводила речь о докторской, но Таня решила: «Нет. Все.хлопот с очередной диссертацией — выше крыши, а прибыли — ноль. «Доктор филологических наук» на визитках — это, конечно, звучит лучше, чем *кандидат*. Да одна беда: науки больше не хочется».

Благо в Москве — такой яркой, современной, бурно растущей — было чем заняться, помимо сидения в библиотечных залах. Татьяна успевала играть в теннис, забредать с подружками в ночные клубы, ходить по магазинам (или, как это называется нынче, «заниматься шопингом»), кататься на лошадях, а летом — на водном мотоцикле.

Отдыхать, если получалось выбить хоть неделку отпуска, она ездила за границу: в Венецию, в Альпы, на Мальдивы. Благо ее напряженная работа оплачивалась как следует.

Татьяна сделала в своей квартирке ремонт (обозначаемый в рекламных объявлениях пошлым словом «евро»), поставила дома систему кондиционирования, обставила жилище на свой вкус: броско, но не безумно дорого.

Словом, сейчас, в начале двадцать первого века, у молодой москвички Тани Садовниковой было все. И всеми своими проявлениями нынешняя столичная жизнь ее вполне удовлетворяла...

Но иногда — не очень часто, но бывало! — ей являлись ночью изумительные сны.

Сны из ее прошлой жизни.

Вот она бежит, бежит во весь дух, спасается от человека в черном... И хотя во сне ей угрожает опасность,

ей страшно, зябко, боязно, — но почему-то одновременно хорошо... И все вокруг нее кажется таким ярким: и небо, и деревья, и облака...

А потом она просыпается, и у нее бешено колотится сердце, и не хватает воздуха, — но все равно после такого сна на душе у нее весь день весело и хорошо...

* * *

Вот и сегодня утром, в воскресенье, шестого июля, она проснулась от такого сна.

Сердце колотилось, а на душе было радостно. Татьяна немного полежала в постели, пришла в себя и пошагала в ванную чистить зубы и принимать душ. Нужно было спешить и настраиваться на «творчество». Потому что в офисе ждали ее отнюдь не приключения, а работа — рутинная, обыденная, хотя и называемая красивым словом «креативная»...

...В десять утра она уже входила в офис агентства «Пятая власть». Коллеги ждали ее в кабинете. Однако одна беда: в жаркий выходной день да еще после недели бесперывного мозгового штурма ни на какие свершения коллектив не вдохновлялся. Коллектив тосковал по пляжу в Серебряном Бору, по пиву и шашлыкам. Поэтому, вместо того чтобы фонтанировать идеями, творческие сотрудники несли откровенную пургу. А времени оставалось катастрофически мало — всего-то до утра понедельника. И если они не придумают сегодня чего-то нового, оригинального — заказ, за который получен аванс, уплывет в чужие руки. А кусок-то — жирный, хороший, вкусный...

— Да, ребята... — бодро сказала Таня вслух. — Задача у нас, конечно, непростая. Но мы ее решим. Я вам обещаю.

Подчиненные — копирайтер Мишка Колпин и дизайнер Артем Пастухов — переглянулись.

— Да как мы ее решим?! — выкрикнул Артем. — Голова уже не варит! Всю неделю ведь пахали. И в субботу тоже. До десяти вечера!

— Асфальт и то легче укладывать! — подхватил Мишка.

— Сравнил... — усмехается Татьяна. — Подумаешь, асфальт! С ним все как раз просто. Заливай себе и заливай. Ответственности никакой, да и мозги отдыхают.

— Кстати, о мозгах, — пискнул дизайнер. — У меня, между прочим, уже блокировка сработала. Перегорели мозги. Не варят. Может, лучше завтра пораньше придем — и навалимся в едином порыве!

— Никаких завтра, — отрезала Таня. И, смягчая резкий тон, добавила: — Ну, давайте, последнее усилие! А, ребята? Сами знаете — в понедельник презентация. А что мы клиенту покажем?

Все трое с отвращением покосились на стену, увешанную эскизами.

Над этим заказом они работали всю неделю. И без толку. Ничего стоящего в голову так и не пришло. И сегодня — тоже не приходило.

Им поручили «продвигать» очередную разновидность пива. «Надо сделать такую рекламу, чтобы очереди выстраивались, — напутствовал их заказчик. — Чтобы молва о новом пиве разнеслась по стране как молния».

Хорошо, конечно, сказано. Образно. И аванс агентство получило немаленький. Только как прикажете этот заказ выполнять?

Вкус у нового пива самый обычный, и стоит оно не дешевле, чем у конкурентов... Но заказчик по этому поводу сказал просто: «Это я и сам знаю. Но рекламщики — вы, а не я. Это вас в институтах учили, как людей дурить. Вот и дурите».

В общем, сложный заказец... А такие в рекламном агентстве «Пятая власть» брала на себя лично Татьяна Садовникова.

Приходилось отрабатывать кабинет с секретарским предбанником. И за настоящую кофеварку (в отделах стояли обычные электрические чайники) — расплачиваться.

«Раз уж я сижу тут целыми днями — надо хоть властью злоупотребить!» — подумала Таня. Нажала кнопку селектора:

— Наташенька, будь добра, кофейку!

Секретарша Наталья — работать в выходной ей тоже, естественно, не нравилось — буркнула:

— Опять кофе? Позеленеете, Татьяна Валерьевна...

Таня в ответ только вздохнула: подчиненные имеют право *бурчать*. И только начальник всегда должен быть свежим, благожелательным и справедливым.

— Пожалуйста, Наташа, — вежливо попросила она. — Мы очень ждем.

И отключила селектор, не дожидаясь, пока секретарша начнет ворчать, что с «этими пивными посиделками недельный запас кофе извели».

— Может, назовем его *народное пиво*? — безнадежно предложил Михаил.

— Было уже «народное», — вздохнула Таня. — И потом, какое ж оно народное, если стоит почти как настоящее чешское...

— Тогда назовем его «*пиво для всей семьи*», — высунулся Артем.

— Ага, — поддакнул Миша. — И текст напишем: «*Наше пиво особенно поможет дедушке с болезнью Альцгеймера*».

— «*А грудничкам его можно добавлять в яблочное пюре*», — подхватил игру Артем.

— Н-да-а... — вяло протянул Михаил.

Однако Артем все-таки стал развивать свою бредовую, прямо скажем, идею. Татьяна его не прерывала. Она знала, из какого сора порой вырастают гениальные рекламные ролики.

— Может, такую картинку нарисуем... Семья сидит за столом... Центр композиции — огромный самовар. Только наполнен он не кипятком, а пивом! И пьют его — из чайных чашек.

«Полный маразм», — подумала Таня. Но вслух свой приговор не огласила: дизайнеры — народ обидчивый. Сказала мягко:

— К сожалению, не прокатит, Тёмчик. Пиво — и самовар... Ледяное и горячее... Несочетаемые ассоциации... Хотя... Вся семья дружно пьет пиво — в этом что-то есть...

— Может быть, оттолкнемся от чего-нибудь типа: *«Выпил пива — зажил красиво»*? — высунулся Михаил.

— А закончим так, — буркнул Артем, — *«Выпил водки — заел селедкой»*.

Таня старалась не впасть в отчаяние. Не имеет она права сдаваться! Это ведь ее работа — решать такие задачи. На первый взгляд — неразрешимые. И нужно биться до последнего... Она собрала волю в кулак и сказала:

— Хорошо. Давайте от противного пойдем. Исключим все то, что было. Пиво для друзей, пиво для компании, пиво для отдыха...

— С утра выпил — весь день свободен, — прокомментировал Артем.

— *Я сторонник старых схем: выпил пива — нет проблем!* — продекламировал Миша. Он тоскливо посмотрел на начальницу: — Может, разбежимся?

Артем подхватил:

— Гений ведь по заказу не работает! Вдруг нам ночью какая идея в башку взбредет...

Таня проигнорировала его мольбу.

— А что, если так: «Утро, вечер, день иль ночь — пиво гонит беды прочь»? — спокойно предложила она. — Знаете, такой же подход, как в рекламе обезболивающих средств. Болит у мужика голова — он аспирину жажнул и расцвел. А у нас таким анальгетиком будет пиво...

Миша задумчиво смотрел в сторону — кажется, он уже «отключился». Зато дизайнер — Таня знала, каждую ее реплику представляет визуально — загорелся:

— А в этом что-то есть! Ряд картинок: одинокая девушка, бабуля с ревматизмом... даже щенок, которому лапу прищемили. Морды у всех грустные-грустные... И тут им — по бокальчику пива! И они расцветают!

Таня внимательно слушала дизайнера. А картинку, когда щенку наливают в блюдечко пиво, даже увидела перед глазами... Пожалуй, если сосредоточиться... и со всех сторон покрутить эту идею... из нее может выйти толк.

Запищал селектор. Таня досадливо нажала кнопку приема. Просила же Наташку, чтоб не сбивала с мысли!

— Ну что еще там? — недовольно спросила она.

И мимолетно подумала, что тон у нее — точь-в-точь как у директора клуба из плохих советских фильмов.

Секретарша виновато сказала:

— Вы просили ни с кем не соединять, я помню... Но тут звонит господин Ниро Вульф. Говорит, что это очень срочно.

Мишка с Артемом дружно фыркнули.

Таня нахмурила брови. Велела сотрудникам:

— Давайте пока работайте! Пробный слоган, пробный эскиз...

И сняла трубку:

— Привет! Что это ты мою секретаршу пугаешь?

Артем с Мишей напряженно прислушивались к разговору. На их лицах читалось: «Вот те раз! Оказывается, у грозно-холодной Татьяны есть какой-то Ниро

Вульф... Кто бы мог подумать... И почему он, интересно, Ниро Вульф? Такой же толстый, что ли?.. Или — такой же умный?»

Подчиненные мгновенно забыли про пивной заказ и во все глаза наблюдали за Татьяной. На их лицах был написан неподдельный интерес к разговору.

Только начальница — ни «мэ», ни «бэ»: слушает и кивает. И на глазах бледнеет, начинает нервно выстукивать карандашиком по столу...

— Хорошо. Я немедленно выезжаю, — закончила она разговор.

Артем с Мишей просияли. На их лицах читалось: «Слава создателю! Наконец-то домой!»

Но Таня, вставая из-за стола, безжалостно заявила:

— Мне нужно уехать. Срочное дело. Очень срочное. А вам, ребята, — придется остаться. Уж извините.

Миша с Артемом обменялись безнадежными взглядами.

В Танином голосе добавилось металла:

— Я очень надеюсь, что завтра к восьми утра будут готовы и слоганы, и эскизы. Как обычно, несколько вариантов.

Она снова сбавила тон — как же непросто быть начальником! — и улыбнулась:

— Очень прошу вас — не подведите! А я Наталье скажу, чтобы она с вами до победного сидела. И кофе варила по первому требованию. Ну, и премия, конечно, за мной. Хорошая премия.

* * *

Отчим даже не намекнул, что произошло. Просто попросил «очень срочно приехать». Но по его тону Таня поняла: он в беде!

Только сообразить-то сообразила, но вот поверить никак не могла. Да быть такого не может, чтобы с ним

вдруг что-то случилось! Исключено. Мир, должно быть, перевернулся...

Ведь это отчим, Валерий Петрович Ходасевич, обычно помогал ей во всех делах, начинаниях, приключениях. Она, Таня, попадала в истории и бросалась к нему за помощью, и рыдала, уткнув голову в его пухлое плечо... А он всегда был тверд как скала. Незыблем, как Ниро Вульф в своем кабинете. Он утирал Татьяне слезы, заваривал крепкий чай с лошадиной дозой сахара — и всегда, абсолютно всегда, разрешал все ее проблемы. Для этого у него имелись и ум, и смекалка, и опыт. Да и связи немалую роль играли — все-таки полковник ФСБ-КГБ, пусть и в отставке.

А сейчас она просто не узнавала его.

Чтобы Валерочка — надежный, «правильный», считающий, что «долг превыше всего» — срывал ее с важного совещания? Не просил, но требовал срочной встречи?!

И при этом секретарше представился по-дурацки — Ниро Вульфом. И говорил экивоками, и голос его был тверд, собран, но при этом ощутимо напряжен...

Таня даже не была уверена, что она его правильно поняла.

Например, во время телефонного разговора Ходасевич сказал: «Французик у тебя, конечно, хорош, но пришла пора с ним расстаться».

— Ты имеешь в виду авто... — неуверенно спросила Таня.

— Да, я именно об этом, — прервал он ее.

И Таня послушно умолкла. Наверно, речь идет о «Пежо», ее любимой игрушке. Валера просит ее приехать на другой, не такой приметной, машине. Хотя что в «пежике» теперь-то приметного — изящных французских машин в последнее время в Москве расплодилось полно. Кто только на них не ездит: и усатые

дядьки, и юные бандитские любовницы, и молодящиеся карги... Но... Раз Валера велит — Таня сделает, как он скажет.

А эта его фраза: «Жду тебя через час у *Маргариты*»?

Таня едва не брякнула: «У Маргошки, что ли?» И еще удивилась, откуда он знает про Маргошку — Маргариту, ее однокурсницу... Но удержала поспешные слова, на пару секунд задумалась и уточнила: «Ты имеешь в виду *нашу с тобой* Маргариту?»

— Да, да! — торопливо и досадливо ответил Валера.

А ведь раньше он никогда не говорил так резко.

— Я все сделаю, — бесстрастно и спокойно сказала Таня.

Работа в должности начальницы уже приучила ее: если твой партнер выбит из колеи — даже слегка, — надо брать бразды правления в свои руки. Вот только очень непривычно, когда нервничает *Ниро Вульф* — всегда такой бесстрастный...

Ну что ж. Будем решать проблемы в порядке их поступления. И проблема номер один — это машина.

...Паркинг для сотрудников рекламного агентства размещался в подземном гараже. Там же находилось и несколько «разгонных» машин — новых, но уже изрядно раздолбанных «пятерок» и «девяток». Любой из верхушки агентства мог при желании взять служебный автомобиль — ключи и документы находились у охранников. Правда, сотрудники «Пятой власти» к отечественному автопрому относились с презрением и на служебных машинах ездить избегали: в них душно, ненадежно и выглядишь словно дачник.

«Зато мне сегодня будет в самый раз», — заключила Татьяна.

— Я оставлю «Пежо» в гараже, — сообщила она охраннику, скучавшему над кроссвордом.

— На вечеринку собираетесь? — понимающе улыбнулся тот. — Давайте я вам такси вызову, Татьяна Валерьевна...

— Какие там вечеринки, — отмахнулась она. — Просто... — Таня замялась, не зная, как объяснить свою прихоть. — Что-то тормоза у «пежика» воют. Наверно, колодки истерлись. А ехать надо. Так что возьму машину попроще. Из наших, служебных. Какую посоветуете?

Охранник посмотрел на нее удивленно. Но вопросов задавать не стал.

— Вон та «девятка», — взмах в сторону плохо вымытой машины, — вроде бы самая приличная. Хотя шофера говорили, у нее сцепление чудит, вторая передача не...

Таня не дослушала:

— Пожалуйста, принесите ключи.

— Нужно заполнить доверенность, — охранник достал из стола подписанный директором агентства бланк.

— Я заполню сама, — отмахнулась Татьяна.

Схватила бланк и заторопила мужика:

— Пожалуйста, быстрее! Я опаздываю.

Стекла у «девятки» оказались тонированными.

«Очень на руку!» — порадовалась Таня и окна в машине не открыла. Пусть жара и дышать нечем — она потерпит. Кажется, *он* настаивает на конспирации. Что ж, будет ему конспирация. А когда стекла закрыты — даже остроглазый орел не определит, кто сидит в машине.

Однако, промучившись в духоте минут пять и постоянно поглядывая в зеркальце заднего вида, Таня решила: меры предосторожности выполнены. Никто за ней вроде не едет. А главное, сидеть в духоте больше нет сил... Она машинально поискала пальцами кнопочки стеклоподъемников и чертыхнулась: какие, к черту, электрические приспособления в российских маши-

нах! Одной рукой придерживая руль, Таня по очереди распахнула оба передних окна, с наслаждением подставила лицо встречному ветру.

Мелькнула неожиданная мысль: «Куда меня черт несет... Завтра нам пивную презентацию проводить, а ничего пока не готово!»

Но Таня прислушалась к *голосу сердца* и поняла: на самом деле угрызения совести ее особо не терзают. Надоело ей это пиво, простите, до отрыжки!

Таня улыбнулась.

Впрочем, улыбка тут же погасла. Не до веселья сейчас. Нужно максимально сконцентрироваться — чтобы ничего не напутать. Чтобы помочь ему. Впервые в жизни — помочь ему.

Значит, он велел ей ехать к Маргарите... Если Таня все поняла правильно — он будет ждать ее на той лавочке, где сидела в Александровском саду булгаковская Маргарита, когда к ней подошел Азazelло.

Эту лавочку давно, еще в школьном детстве, ей показал именно Валера. Он убедил ее: если присесть сюда и попросить помощи у высших сил — все желания исполнятся. «Все-все желания?» — недоверчиво спросила тогда маленькая Таня. И он, такой правильный, тут же оговорился: «Ну, не совсем все, а только добрые желания».

И Таня потом очень часто специально приезжала на эту лавочку. И просила, чтобы на экзамене ей попался счастливый билет, а Саня из параллельного класса обратил на нее внимание...

Когда Таня выросла, она заявила отчиму:

— А ведь ты наврал мне — насчет Маргаритиной лавочки! Совсем она и не там стояла, где ты показывал, а совсем в другом месте. Я в дневниках жены Булгакова прочитала...

Но Валера серьезно ответил: